

Krašennikova, Ol'ga Aleksandrovna

**Прения о вере в эпоху митрополита Макария и церковная полемика
вокруг "Камня веры" Стефана Яворского**

Studia historica Brunensia. 2014, vol. 61, iss. 1, pp. [33]-49

ISSN 1803-7429 (print); ISSN 2336-4513 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/132848>

Access Date: 28. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

OLGA A. KRAŠENINNIKOVA

ПРЕНИЯ О ВЕРЕ В ЭПОХУ МИТРОПОЛИТА МАКАРИЯ И ЦЕРКОВНАЯ ПОЛЕМИКА ВОКРУГ «КАМНЯ ВЕРЫ» СТЕФАНА ЯВОРСКОГО

Abstract:

The article deals with two episodes from the history of the polemic debates over faith between Protestants and Orthodox in Russia.

Key words:

Russia, Orthodox, Protestants, Jan Rokyta, Stephan Javorsky.

С эпохой митрополита Макария (1482–1563) обычно связывается процесс укрепления авторитета церкви и роста ее влияния в русском государстве, утверждение идеи экономически сильной и независимой церкви, а в духовной сфере – формирование единого идеала русской святости через прославление множества местночтимых святых, борьбу за чистоту православия с различными ересями. Эта эпоха совпала со стремительным распространением реформационного движением на Западе. Учение Лютера, который умер в 1546 году и был старшим современником митрополита Макария, было впервые сформулировано в виде 28 пунктов на Аугсбургском сейме 1530 года и получило название «Аугсбургского исповедания», признанного впоследствии в качестве основного вероисповедного документа лютеранского направления протестантизма. Однако на Руси предреформационные идеи начали распространяться гораздо раньше, уже с конца XV века. Ересь жидовствующих, возникшая в конце XV века в Новгороде и осужденная на московском соборе 1504 г. по инициативе преподобного Иосифа Волоцкого, можно рассматривать в качестве первого вестника предреформации. В 1527 году, в то время еще архиепископ новгородский Макарий в послании к князю Василию III благодарил его за то, что тот до конца низложил «лесть явльшуюся чрез Новгородских

еретиков», и призывал его своим царским повелением «упразднить некое бесчиние», творящееся в Новгороде и Пскове, сохранить церковь от тревожений, а не кающихся грешников предать анафеме и отлучить от церкви.¹ В это время идеи Лютера быстро распространялись в Германии и других европейских странах и в середине XVI века достигли Прибалтики. Через Литву они приходили и на Русь. В 1552 году впервые в Россию попали текст Аугсбургского исповедания и Катехизис Лютера: их прислал датский король Христиан III царю Иоанну Грозному через книгопечатника Ганса Миссенгейма. Он предложил царю основать типографию, перевести присланные книги на русский язык и выпустить их тиражом несколько тысяч экземпляров. Однако, по приказу Ивана Грозного, книгопечатник, в котором царь заподозрил лютеранского миссионера, был выдворен из страны. Тем не менее, в 1562 году лютеране сами перевели Катехизис Лютера на славянский язык с целью пропаганды его среди славянского населения.

В это же время в России, под прямым влиянием литовских протестантов, возникла ересь Матвея Башкина и старца Артемия. Башкин не признавал божественную природу Иисуса Христа, отрицал его равенство Богу Отцу, не признавал таинств Евхаристии и покаяния, отвергал иконы, называя их идолами, а святоотеческие предания и жития святых называл баснословием. Как Башкин, так и еще более радикально настроенный еретик Феодосий Косой, критиковали недостатки господствующей церкви и священнослужителей, призывали церковь отказаться от стяжаний, отрицали церковную иерархию и таинство священства, отвергали молитвенное призывание святых, почитание икон и мощей, не признавали молитв за умерших. Они резко выступали против постов и института монашества.

Ересь Башкина была осуждена на соборе 1553–54 годов, который был созван по инициативе митрополита Макария. На соборе присутствовало множество духовенства и царь с боярами. Интересно отметить тот факт, что на Собор была принесена книга Иосифа Волоцкого против еретиков – знак того, что лжеучение новых еретиков собор считал однотипным с ересью жидовствующих. И царь, и митрополит при этом высоко оценили книгу Иосифа, назвав ее «светилом православия».

Весной 1570 года король Речи Посполитой Сигизмунд II Август прислал в Россию свое посольство с целью заключить перемирие между Россией и Польшей. В числе послов находился и евангелический

¹ К л и б а н о в , А. И.: *Реформационные движения в России в XIV- первой половине XVI вв.* Москва 1960, с. 254–255.

проповедник общины «чешских братьев» в Польше Ян Рокита. Рокита, чех по национальности, получил образование в Германии и был одним из наиболее активных проповедников общины, опиравшейся на учение прежде всего Жана Кальвина. Рокита неоднократно принимал участие в различных диспутах и прениях о вере. Секретной миссией Рокиты было убедить царя принять протестантизм, заключить союз между Греческой и Евангелической церквями. 10 мая 1570 года в Москве, в Кремлевском дворце, в присутствии послов и бояр, между царем Иваном Грозным и Яной Рокитой состоялся религиозный диспут. Царь потребовал от проповедника изложить суть его учения, задал ему несколько вопросов и велел записать его речь. 18 июня 1570 года он отправил Роките развернутый письменный «Ответ государев»,² состоявший из 14 глав, в котором он опроверг основные положения лютеранского вероучения, изложенные в речи Рокиты.

Во-первых, царь в резком тоне высказался о Лютере: «Воистинну бо Лютор, иже «лют», глаголется. Люто бо, люто, иже к краеугольному камени – Христу приражатися (биться – О.К.) и его божественныя уставы разоряти.»³ По мнению царя, Рокита и его единомышленники исказили учение Христа и отвергли предания святых апостолов и святых отцов. Главным пунктом полемики царя и стал вопрос отношения к их учению. Во многих местах своего ответа Роките Иоанн Грозный отстаивает православное почитание святых апостолов и святых отцов, так как именно благодаря им люди приходят к спасительной вере в Господа Иисуса Христа: «Апостолов не боготворим ... Божественных апостол почитаем, яко Слова Божия ученики и посланники, нашему спасению наставники и руководители.»⁴ Учение свое апостолы не выдумали от себя, но полагали и утверждали на самом основании Христа.⁵ Христос, обещая быть с верующими «до скончания века»,⁶ по своем воскресении послал своих учеников проповедовать слово Божие. Апостолы, расходясь на проповедь, поставили на свои места 70 заместников, следующими за которыми стали святители; из святителей, в свою очередь, вышли священники. Лютеране, отвергая священников, святителей и апостолов и все апостольские предания, по

² *Иван Грозный. Ответ Яну Роките.* In: Библиотека литературы древней Руси. Т. 11. XVI век. Санкт-Петербург 2001, с. 218–277.

³ *Ibidem*, с. 220.

⁴ *Ibidem*, с. 236, 258.

⁵ *Ibidem*, с. 258.

⁶ *Ibidem*, с. 224.

мнению Грозного, отвергают повеления самого Христа⁷ и проповедуют самовольно, «своею властью» собственное, вымышленное учение.⁸

Кроме того, царь подверг критике протестантское учение об оправдании человека. По учению протестантов, вследствие грехопадения Адама, все люди с рождения осуждены на смерть.⁹ Никто себя от смерти избавить не может – ни своим учением, ни благими делами. Человек может оправдаться только верой. Бог–Отец ради заслуг Сына принял человека в свою милость и грехи человеческие отпускает даром, восполняя их своей благодатью.¹⁰ Царь отвечал на это утверждение тем, что после воплощения Слова Божия Иисуса Христа Адамов грех был разрушен и смерть не имела уже власти над праведными. В таинстве Крещения человек очищается благодатью Христовою и не имеет греха; он должен лишь не лениться делать благие дела и соблюдать все заповеди.¹¹ «Вера без дел мертва», поэтому человек оправдывается не только верой, но и делами.¹² Иоанн Грозный подчеркивает также ценность поста: пост помогает сдерживать тело и подчинять его духу, пост – это условие совершения благих дел.¹³ Царь также останавливается на других спорных вопросах православного и протестантского вероучения: отношение к ветхозаветным заповедям, призывание святых, о св. литургии, о девстве и браке, об иночестве. Особое внимание с его стороны вызвал вопрос о православном поклонении иконам, которое протестанты называли идолопоклонством. Царь подчеркивает смысл христианского почитания икон, которое обращено не к мертвому веществу досок и красок, но к запечатленному в иконах первообразу.¹⁴ Поклонение святым изображениям идет из самой древности, примеры – нерукотворный лик Спаса на Убрусе, изображение Божией Матери на колонне Лидской церкви. Признак истинности поклонения иконам, по мнению царя, – многочисленные происходящие от них чудеса.

Опровергнув основные положения речи Яна Рокиты, Иван Грозный делает вывод о несовместимости проповедуемого им протестантского вероучения с истинной христианской верой: «Учения твоя вся развратна Христову учению, и Христове церкви вся сопротивомудрствуеши,

⁷ «Отвергающий вас, меня отвергает»; Лк. 10, 16.

⁸ *Иван Грозный. Ответ Яну Роките*, с. 246.

⁹ *Ibidem*, с. 226.

¹⁰ *Ibidem*, с. 238, 240.

¹¹ *Ibidem*, с. 232.

¹² *Ibidem*, с. 230.

¹³ *Ibidem*, с. 250.

¹⁴ *Ibidem*, с. 262.

и не токмо еретик еси, но и слуга Антихристов дьявольского совета. ... а впред бы еси сего своего учения в нашей стране не объявлял. А о том Господа нашего Иисуса Христа прилежно молим, всех Спасителя, дабы нас, российский род, сохранил от тмы неверия вашего.»¹⁵ Иными словами, царь строжайше запрещал Роките и его единоверцам распространять свое учение в пределах Московского государства.

Таким образом, благодаря бескомпромиссной позиции, занятой в отношении еретиков и их учения сначала пр. Иосифом Волоцким, а затем митрополитом Макарием и самим царем Иоанном Грозным, в XVI веке удалось отразить первый натиск идей Реформации, сохранить в чистоте православное вероучение, поставить заслон на пути распространения протестантизма в восточной Европе. В этом состоит, в том числе, и огромная заслуга митрополита Московского Макария, сумевшего сплотить русскую церковь в эпоху первых смут, дать соборную оценку ересям, а в документах Стоглавого собора утвердить принципы верности церкви древним православным традициям.

II.

Прошло всего лишь полтора века, и в эпоху Петра I церковная ситуация в России кардинальным образом изменилась. Увлечение русского общества лютеранством охватило в начале XVIII века как низшие слои населения (разночинцы Немецкой слободы), так и высшее общество, включая самого царя. Широко известны лютеранские симпатии Петра I. По рассказам Штелина и Голикова, Петр охотно посещал за границей лютеранские кирхи. В 1698 году в Англии он присутствовал на богослужениях в Ламбете и в капелле архиепископа Кентеoberийского и был ими очень доволен, вел длительные беседы с сальсберийским епископом Бернетом, соглашаясь с ним в том, что «иконам не следует молиться» и что образ Христа должен «служить лишь воспоминанием, а не предметом поклонения».¹⁶ Царь, по рассказам очевидцев, благоговел перед статуей Лютера и отмечал, что монумент Лютеру не соответствует этому великому человеку.¹⁷ 16 января 1723 Петр издал

¹⁵ Ibidem, с. 276.

¹⁶ Андреев: А. И.: *Петр I в Англии в 1698 г.* In: Петр Великий. Сборник статей. Ed. А. И. Андреев. Москва-Ленинград 1947, с. 74–75, 96.

¹⁷ Цит. по: Извеков, Д. Г.: *Проповедническая противу-протестантская литература на Руси в первой половине XVIII столетия.* In: Православное обозрение 1871, с. 82, прим. 57.

указ о переводе римских, лютеранских и кальвинских катехизисов на славянский язык и их издания «для знания и ведения».

Ближайшее окружение Петра, включая крупных церковных иерархов (Феодосий Яновский, Гавриил Бужинский и Феофан Прокопович) глубоко симпатизировало лютеранам и лютеранскому вероучению. В 1721 году под руководством архиепископа Феофана Прокоповича была осуществлена церковная реформа, в результате которой патриаршее управление церковью было заменено коллегиальным органом – Святейшим Синодом, созданным по образцу протестантских духовных консисторий. Верхушка Синода, во главе с Феофаном Прокоповичем, под предлогом просвещения, готовило общественное сознание Руси к необходимости церковных реформ по западному образцу. Борьбу с «ханжеством и суеверием» провозгласил принятый в 1721 году «Духовный Регламент». После учреждения Святейшего Синода последовал целый ряд указов запретительного характера, направленных против искоренения «суеверий». Среди них было уничтожение часовен и лишних церквей, запрет на строительство новых церквей (домовых, вотчинных и других – указ от 14 марта 1723 г.) и монастырей. Запрещению подверглись крестные ходы и молебны с чудотворными иконами (указы 21 и 22 февраля 1722 г.), издан указ об отобрании у чудотворных икон «привесов» – ценных украшений (указ от 19 января 1722 г.). Под предлогом военных нужд в петровское время шло изъятие церковных ценностей, в том числе церковных сосудов из храмов епархий. Активным проводником этой политики, одобрявшейся Петром I, открытым и явным иконоборцем был правая рука царя, его духовник Архиепископ Новгородский Феоодосий Яновский, первый вице-президент Святейшего Синода.

Началась кампания против «ложных чудес». Если в эпоху митрополита Макария со всех мест собирались свидетельства о чудесах местных святых с целью их всероссийского прославления, в петровскую эпоху шел обратный процесс – деканонизации местночтимых святых, поклонение которым было признано незаконным, а чудеса – ложными. Так, в 1722 году в Борисоглебском монастыре в Переяславле особая комиссия признала «подложными» мощи преподобного Корнилия Переяславского. Мощи святого были погребены, рака сломана. Комиссия запретила также почитание преподобного Даниила Переяславского и благоверного князя Андрея Переяславского.¹⁸

¹⁸ Алексеев, А. И.: *Варлаам*. In: Православная энциклопедия. Т. 6. Москва 2003, с. 588.

Местоблюститель патриаршего престола Стефан Яворский (1658–1722) с тревогой следил за изменениями, происходившими в обществе. Так, еще в проповеди 1710 года он писал: «Сияла Россия, мати наша, прежними времена благочестием, светла и аки столп непоколебимый в вере православной утверждена. Ныне же что?... Веет на тя ветер иконоборный, иконы святяга презирающий, веет на тя ветер чревоугодный, посты святяга разоряющий; а ты, столпе непреклонный, ветром тлетворным опирающийся, уже колебаться начинаеши...»¹⁹

В 1713 году Стефан Яворский возглавил борьбу против кружка московских протестантов во главе с их идейным вождем – лекарем Дмитрием Тверитиновым. Эта борьба была направлена одновременно и против взглядов лютеранствующего царя, сенаторов и Феодосия, которые не одобряли ревности архипастыря, но, напротив, стремились оправдать еретиков.²⁰ Так, Тверитинов нашел высокопоставленных покровителей в Петербурге в лице сенатора Я.Ф. Долгорукого и Феодосия Яновского в Невском монастыре. Последний не только не осудил еретика, но и позволил ему причаститься Св. Тайн и объявил его примиренным с православной церковью. Однако архиерейский суд, созванный по инициативе Яворского в Москве, в патриаршей крестовой палате 24 октября 1714 года, предал еретиков анафеме. В дальнейшем они были осуждены гражданским судом, а Фома Иванов, который 5 октября всенародно изрубил ножом чудотворную икону Митрополита Алексия в Чудовом монастыре, по приказу царя был казнен. Однако Петр остался недоволен своеволием Яворского и считал, что он превысил свои полномочия.

Примерно в 1713 году митрополит Стефан Яворский создает свое знаменитое сочинение «Камень веры», содержащее опровержение основных положений протестантского учения и написанное в связи с делом московских еретиков. По своему значению для своего времени «Камень веры» может быть приравнен к «Просветителю» Иосифа Волоцкого. В двенадцати обширных трактатах этого сочинения автор раскрывал православное учение о святых иконах, почитании св. креста, о святых мощах, о таинстве св. евхаристии, догмат о призывании

¹⁹ Цит. по: М о р о з о в , П.: *Феофан Прокопович как писатель*. СанктПетербург 1880, с. 94.

²⁰ История следствия по делу Дмитрия Тверитинова подробно изложена в исследовании: Т и х о н р а в о в , Н. С.: *Московские вольнодумцы начала XVIII века и Стефан Яворский*. In: Сочинения Н. С.Тихонравова. Т. 2. Русская литература XVII и XVIII вв. Москва 1898, с. 156–304. См. также: С м и л я н с к а я , Е. Б.: *Ересь Д.Тверитинова и московское общество н. XVIII в.* In: Проблемы истории СССР. Вып. XII. Москва 1982, с. 34–52.

святых, о душах святых, о необходимости молитв за усопших, о священном предании, о литургии, о постах, о добрых делах и, наконец, последний, вызвавший особенно много нареканий у противников, – догмат о наказании еретиков. В перечисленных трактатах автор не только излагал православное учение, но по пунктам разбирал и опровергал все возможные аргументы своих оппонентов. Сочинение Яворского при жизни автора так и не вышло в свет. Оно было опубликовано впервые лишь в 1728 году стараниями ученика и единомышленника Яворского архиепископа Тверского Феофилакта Лопатинского и имело огромный успех.

Вскоре после выхода «Камня веры» разгорелась полемика вокруг этой книги, инспирированная немецкими протестантскими теологами. Так, одним из первых был Йенский богослов Иоганн Франциск Буддей (1667–1729), который издал в 1729 году «Апологетическое письмо в защиту лютеранской церкви от нападок Стефана Яворского». ²¹ В 1730 году, когда на русский престол взошла Анна Иоанновна и положение немецкой партии, сочувствующей лютеранству, упрочилось, полемика вокруг книги достигла своей кульминации.

В одной статье невозможно подробно осветить всю историю инославной критики и защиты «Камня веры» (на эту тему уже написано немало), ²² поэтому мы сосредоточимся на рассмотрении лишь одного, наименее исследованного и самого любопытного ее эпизода. Речь пойдет об известном анонимном памфлете против Стефана Яворского, написанном в России в начале 30-х годов XVIII века и получившем в исследовательской литературе название «Молоток на «Камень веры»». На сегодняшний день известны три рукописных сборника, содержащих списки этого сочинения: ОР РГБ, ф. 256, № 467 (лл. 1–31 об.), ОР РНБ, Ф. XVII. 11 (лл. 37–59 об.), ОР Национальной Библиотеки Украины, № 341/714. Московский и Киевский списки озаглавлены как «Рассуждение о книге «Камень веры»», петербургский – «Возражения, сочиненные против Стефана Яворского, митрополита Рязанского и Муромского». Название «Молоток...» применительно к анонимному

²¹ *Epistola apologetica pro ecclesia Lutherana contra calumnias et obtreactiones Stephani Iavorskii Resanensis et Muromiensis metropolitae ad amicam Moscvae degentem scripta a Ioanne Francisco Buddeo.* Ienae 1729.

²² См. об этом: И з в е к о в , Д.: *Из истории богословской полемической литературы XVIII столетия.* In: Православное обозрение 1871. No. 8. с. 139–171; No.9. С. 267–307; Морев, И., протоиерей: *«Камень веры» митр. Стефана Яворского, его место среди отечественных противосектантских сочинений и характеристические особенности его догматических воззрений.* СанктПетербург 1904, с. 302–316.

памфлету встречается лишь в заглавии сочинения митрополита Арсения Мацеевича, написанного в середине 1750-х годов как опровержение на этот памфлет: «Возражение на пашквиль лютеранский, нареченный молоток на книгу Камень веры, который молоток показался быть восковый, яко воск от лица огня, сиречь от слова Божия, и самая истинны исчезнувший.»²³

В рассматриваемом памфлете Яворский представлен как тайный католический агент, действующий в интересах папы, сознательно противостоящий церковной политике Петра I и вынашивающий честолюбивые планы восстановления патриаршества. Местоблюститель обвиняется во всевозможных грехах: в неповиновении царю и саботаже его поручений, страсти к стяжанию и роскоши, в симонии, сочувствии политическим заговорам против царя, Мазепы и царевича Алексея. Автор памфлета хорошо осведомлен в подробностях биографии Яворского, включая киевский период его деятельности, и умело использует их для доказательства якобы католических симпатий митрополита. В памфлете неоднократно встречаются упоминания различных политических дел и процессов петровского времени, к которым имел отношение Яворский: дело Григория Талицкого, Дмитрия Тверитинова, Варлаама Левина. Автор неоднократно ссылается на «Духовный Регламент» и указы Петра I, он демонстрирует знакомство с проповедями митрополита Стефана и как очевидец описывает тот эффект, который они производили на слушателей. Он с уверенностью судит об отношении Петра I к книге «Камень веры» и знает, почему она так и не была напечатана при жизни автора. Все это выдает в авторе человека, хорошо осведомленного в нюансах русской церковной и политической жизни последних десятилетий, принадлежащего к высшим слоям придворной аристократии, единомышленника и почитателя Петра I, крайне враждебно настроенного к покойному местоблюстителю патриаршего престола. В сочинении находится множество содержательных и стилистических параллелей к различным богословским и публицистическим трудам Феофана Прокоповича, в частности, к некоторым его проповедям и составленному им «Духовному Регламенту».

В основной части памфлета автор подвергает критике православные догматы о призывании святых, о почитании икон, о постах, о добрых делах и о вере как условии спасения человека, о св. евхаристии и о литургии. Он критикует монашеский чин и нетерпимое отношение к еретикам, высказанное митрополитом Стефаном в деле Тверитино-

²³ Отдел рукописей Российской Государственной Библиотеки, ф. 299, №. 118, ф. 304, II. №. 127, Отдел рукописей Российской Национальной Библиотеки, F. I. 190.

ва. Он отрицательно относится к православной церковной гимнографии и молитвам, а также к пышным одеждам церковнослужителей и убранству православных церквей.

Кроме того, в центральной части памфлета автор, от лица всех немецких протестантов, проводит невыгодное для россиян сравнение русской и немецкой наций. Так, русский народ критикуется за страсти к мятежам и бунтам, за склонность к преступлениям и пьянству, за неблагоговейное отношение к церковной службе. Осуждается также «лицемерие» православных постов. Эта часть памфлета, содержащая надменные поучения в адрес русских с позиций безусловного превосходства немцев над русскими и лютеранской церкви над православной, не позволяет считать его полностью сочинением русского автора и выдает следы участия иностранного, а конкретнее, немецкого автора в его создании.

В конце своего сочинения автор выражает уверенность, что царствующая императрица Анна Иоанновна, «подобная во всем Петру, истинная Петрова наследница», не потерпит торжества противников царя (то есть Яворского и его единомышленников), и книга «Камень веры» будет запрещена. Об этом недвусмысленно свидетельствуют следующие строки сочинения, обращенные к Яворскому: «Вотще бо плевел сеешь, надеюся, что оным возрасти не дадут, но вскоре с корнем исторгнут. И не допустит подобная во всем Петру истинная петрова наследница, отсечет ухо рабу, держащему²⁴ на помазанного Божия.»²⁵ Под этим иносказательным выражением, по-видимому, подразумевался готовящийся указ императрицы от 19 августа 1732 года о запрете книги «Камень веры». Не является ли это место ключом к пониманию замысла всего сочинения? Памфлет отнюдь не отличался глубиной богословской полемики и, по-видимому, не ставил перед собой задачу серьезного опровержения на труд Яворского. Если Яблонский задумывал фундаментальный историко – богословский труд с критикой «Камня веры», то автор «Молотка» создавал скорее злой пасквиль с оскорблениями и элементами политического доноса в адрес своего оппонента.

Исследователи XIX века не предпринимали попыток определить возможного автора памфлета. По распространенному мнению, это был протестант, лютеранин, возможно, какой-то немецкий пастор. Недавно современным исследователем был впервые поставлен этот во-

²⁴ В рукописи ошибка, должно быть: *держателю*.

²⁵ Отдел рукописей Российской Национальной Библиотеки F. XVII, No. 11. Л. 58.

прос и сделана попытка ответить на него.²⁶ В краткой вступительной статье к публикации «Молотка...» А. Б. Григорьевым были рассмотрены вероятные кандидатуры на его авторство. Заказчиком или автором этого анонимного сочинения мог, по мнению исследователя, быть или Феофан Прокопович, или какой-то лютеранский пастор, долгое время живший в России. Рассматривались также кандидатуры Феофила Кролика и даже Антиоха Кантемира. Между тем круг поиска может быть расширен, если принять во внимание обширные зарубежные связи Феофана Прокоповича.

Во второй половине XX-го века немецкими учеными Э. Винтером и Х. Грасгоффом предпринимались исследования, посвященные немецко-русским культурным связям XVIII века.²⁷ При этом была изучена переписка немецких протестантских теологов с бароном Генрихом Гюйссеном (1666–1739), известным историческим деятелем, который в 1702 г. был приглашен на государственную службу в Россию в качестве военного и юридического советника. В 1703 году, представив царю свой «*Methodus instructionis*», он был назначен воспитателем царевича Алексея.²⁸ Помимо задач воспитания наследника, Гюйссену было также поручено вести пропаганду российских достижений в немецких печатных изданиях. Кроме того, он выполнял различные дипломатические поручения царя. В частности, Гюйссен был причастен к подготовке брака царевича Алексея с евангелистско-лютеранской принцессой Шарлоттой – Софией. Гюйссен был облечен большими правами и полномочиями в России. В 1713 году он составил ряд проектов, касающихся внутреннего управления России: о фискалах, коллегиях, почтах, школах, майоратах. Гюйссен вел обширную переписку со многими представителями западной науки: Лейбницем, братьями Яблонскими и др. С 1710 г. он стал членом Берлинской академии наук. Гюйссен был важной фигурой в координации действий немецких ученых и богословов в их стремлении распространить просвещение в Россию. Он помогал им налаживать контакты с русским ученым миром и представителями церкви и готовил почву для сближения двух церквей. «Подобно своим берлинским знакомым, Гюйссен стремился к созданию реформированной, независимой от Рима церкви, в которой слились бы все некаатолические христианские

²⁶ Григорьев, А. Б.: *Загадки сочинения «Молоток на книгу «Камень веры»*. In: Филаретовский альманах. Москва 2012. Вып. 8, с. 97–148. Публикация текста «Рассуждения о книге «Камень веры»» – с. 108–148.

²⁷ См. далее прим. 16 и 18.

²⁸ Подробнее о Гюйссене. Корзун, С. Г.: *Генрих Гюйссен и борьба протестантов и католиков за влияние на русскую православную церковь в эпоху раннего Просвещения*. In: Славянский альманах. Москва 2012, с. 53–63.

религии, в том числе и русская церковь.»²⁹ Гюйссен, по-видимому, находился в тесном контакте с Феофаном Прокоповича, которого высоко ценил и называл в письмах к своим протестантским друзьям «нашим другом и всеобщим покровителем»³⁰. Через Гюйсена в Германию пересылались произведения Прокоповича: так, в Лейпциге на латинском языке была издана торжественная речь Прокоповича по поводу Полтавской победы, а в 1726 году в Гамбурге вышел немецкий перевод речи Прокоповича на смерть Петра I. Переводились и издавались на Западе также некоторые указы царя, например, известие о «Правде воли монаршей» было помещено в Лейпцигских ученых актах в 1723 г., а в 1724 г. это сочинение, автором которого считается Ф. Прокопович, было издано в переводе на немецкий язык. Одновременно Гюйссен переводил и печатал на русском языке различные протестантские сочинения.

Немецкие исследователи изучили переписку барона Гюйсена с братьями Яблонскими 1720-х – начала 1730-х годов: 37 писем братьев Яблонских и 7 писем Гюйсена.³¹ Она и проливает свет на загадку происхождения «Молотка». Братья Иоганн Теодор и Даниэль Эрнст Яблонские, внуки Яна Амоса Коменского (1592–1670), – протестантские богословы, которые после смерти Буддея продолжили полемику против книги Стефана Яворского. Даниэль Эрнст Яблонский (1660–1741), младший брат Иоганна Теодора Яблонского (1654–1731), – историк, филолог, теолог и педагог, принадлежал к реформаторскому крылу немецкой церкви и пользовался исключительным авторитетом как среди реформаторов, так и лютеран. В 1699 г. на соборе в польском городе Лешно (Лиссе) он был посвящен в епископы церкви Чешских братьев в Польше. Многие годы Даниэль Яблонский служил проповедником при берлинском дворе Фридриха II (1701–1713). В 1700 году Яблонский вместе с В.Г. Лейбницем основал Берлинскую Академию Наук (Бранденбургское общество наук), стал ее вице-президентом, а позднее президентом (1733–1741). В 1737 году Даниэль Эрнст

²⁹ Г р а с г о ф ф , Х.: *Из истории связей Берлинского Общества наук с Россией в 20-х годах XVIII в.* In: XVIII век. Сборник 7. Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. Москва-Ленинград, 1966. С. 59.

³⁰ К о р з у н , С. Г.: *Генрих Гюйссен и борьба протестантов и католиков за влияние на русскую православную церковь в эпоху раннего Просвещения*, с. 56.

³¹ W i n t e r , E.: *Die Bruder Daniel Ernst und Johann Theodor Jablonsky und Russland*. In: Archív pro bádání o životě a díle Jana Amose Komenského. 1965. № 23. S h i p r a n , M.: *Daniel Ernst Jablonski und die Auseinandersetzungen um das »Veränderte Russland» Zar Peters I.* In: Brückenschläge. Daniel Ernst Jablonski im Europa der Frühaufklärung. / Hrsg. von J. Bahlcke, B. Dybas, H. Rudolf. Düsseldorf, 2010, s. 223–235.

Яблонский был выбран епископом Всеобщего братства (*Unitas Fratrum*).

Яблонский давно интересовался русской церковью и вопросами ее организации. В его библиотеке было большое количество книг иностранных авторов об истории России и ее церкви. Он, как и Лейбниц и Гюйссен, выступал за сближение не только лютеран и кальвинистов, но и православной церкви с протестантской, мечтая объединить всех протестантов под руководством Пруссии.

Как считают, именно Гюйссен убедил Яблонского в необходимости создания опровержения на «Камень веры» С. Яворского. Примерно с 1730 г. началась подготовка Яблонского к составлению обширного полемического сочинения, в котором он собирался защитить евангелическую церковь от нападок Яворского.³² Яблонский не знал русского языка, и, хотя в его библиотеке было два экземпляра «Камня веры», он знакомился с текстом книги по выпискам, которые были специально для него переведены на немецкий язык. В письме в Гюйссену, написанном в мае 1730 г., он высказывал свои мысли по поводу того, что предполагаемое опровержение не может быть коротким, потому что «Камень веры» – это объемная книга с несколькими сотнями цитат из отцов церкви и церковных соборов.³³ Однако Яблонский сомневался, сможет ли читатель воспринять столь серьезную и сухую материю без скуки. Поэтому свое опровержение Яблонский решил написать в форме живого диалога между вымышленными персонажами: одним архимандритом, сторонником Яворского, и одним евангелическим суперинтендентом. Книга должна была быть издана на немецком языке и полное ее название гласило: «Молот слова Божьего, который разбивает камень, в разговоре между российским настоятелем монастыря Василием и евангелистским суперинтендентом в Литве Евсевиусом». Автор планировал напечатать ее у Абросиуса Хауде в Берлине.³⁴ Яблонский также планировал поручить перевод этого сочинения на русский язык и издать его в Сиротском доме в Галле (письмо к Гюйссену без даты).³⁵

³² В письме Яблонского Гюйссену от 23 мая 1730 года – см.: W i n t e r , E., *Die Bruder Daniel Ernst und Johann Theodor Jablonsky und Russland*, s. 166–167; Корзун С. Генрих Гюйссен и борьба протестантов и католиков за влияние на русскую православную церковь в эпоху раннего Просвещения, с. 58, с. 62, прим. 35.

³³ S h i p p a n , M., *Daniel Ernst Jablonski und die Auseinandersetzungen um das »Veränderte Russland«* Zar Peters I., s. 232.

³⁴ Ibidem, s. 230.

³⁵ W i n t e r , E., *Die Brüder Daniel Ernst und Johann Theodor Jablonsky und Russland*, s. 167.

7 сентября 1733 года в гамбургском журнале «Известия Нижней Саксонии о новостях в мире науки» была напечатана пробная заглавная страница будущей книги и ее содержание. В журнале были приведены заголовки планируемых 168 глав. Первая часть книги содержала критическую полемику с книгой Яворского. Перечень начальных глав планируемого труда Яблонского показывает, что автор следовал композиции глав «Камня веры»: 1) О первом предисловии, 2) О втором предисловии, 3) о 12 пунктах учения, 4) рассуждение о св. иконах, 5) о св. кресте, 6) о св. мощах, 7) о теле Христове и крове Христовой, 8) о святых, 9) о состоянии души после смерти, 10) о традициях и установлениях церкви, 11) о бескровной жертве или литургии, 12) о посте, 13) о добрых делах, 14) о пути грешников, 15) краткое изложение всех рассуждений. Последующие части книги содержали также описание истории восточной церкви.³⁶

Хотя большая часть сочинения Яблонского была уже готова и задумывался перевод его на русский язык, возникли некие финансовые и типографские затруднения. Вероятно, издатель сомневался в возможности реализации книги: в письме Яблонского Гюйссену от 3 ноября 1732 года он сообщает, что с печатью опровержения пока «все в неопределенном состоянии» и выражает сомнения в возможности сбыта книги в случае ее опубликования.³⁷ В письме к нему же от 8 ноября 1732 года он высказывает опасения о том, что его сочинение будет запрещено к распространению, в связи с указом русского правительства от 19 августа 1732 года о запрете «Камня веры».³⁸ Таким образом, труд Яблонского, полностью написанный к 1733 году, так никогда и не был опубликован, оригинал же рукописи, по-видимому, оказался утерян. При этом немецкие исследователи, которые изучали историю создания опровержения на «Камень веры» Даниэлем Яблонским, насколько можно судить, не упоминали факта существования анонимного русского сочинения с похожим названием.

Попытаемся реконструировать последовательность событий. После выхода в свет «Камня веры» в 1728 году и смерти в 1729 году главного оппонента Яворского из протестантского лагеря И. Ф. Буддея возникла срочная необходимость для создания полноценного опровержения на книгу Яворского. В России это осуществить было невозможно: после

³⁶ Shippan, M. *Daniel Ernst Jablonski und die Auseinandersetzungen um das »Veränderte Russland«* Zar Peters I., s. 230.

³⁷ Ibidem, s. 231.

³⁸ Winter, E. *Die Brüder Daniel Ernst und Johann Theodor Jablonsky und Russland* S. 174, Корзун, С. Г.: *Генрих Гюйссен*, с. 59.

смерти Екатерины политическая ситуация резко изменилась в пользу сторонников Яворского. После вступления на престол Петра II в мае 1727 года ожидалось и вероятное восстановление патриаршества. Позиции Прокоповича в Синоде в это время сильно пошатнулись. Номинально он оставался первенствующим членом Святейшего Синода, но реальная власть была сосредоточена в руках его противников – вице-президентов Синода Георгия Дашкова и Феофилакта Лопатинского. Многие постановления Синода петровской поры отменялись указами Верховного Тайного совета. Поэтому в конце 1729 – начале 1730-го года Феофан Прокопович мог через Гюйссена обратиться за помощью к Даниэлю Яблонскому, высоко почитаемому в протестантских кругах богослову, которого он и сам лично знал,³⁹ с просьбой написать опровержение на «Камень веры».

Возможно, уже в 1730–1731-х годах какие-то фрагменты или подготовительные наброски будущей книги Яблонского были переданы Прокоповичу через Гюйссена или кого-то другого. Однако видя, что выход в свет немецкого опровержения затягивается, ситуация же в России с воцарением Анны Иоанновны (взошла на престол 28 апреля 1730 г.) меняется в благоприятную для него сторону, Феофан решает форсировать события, и, чтобы добиться скорейшего высочайшего запрета «Камня веры», создает в 1731–1732 гг. свой вариант опровержения на эту книгу. Два события могли заставить Прокоповича торопиться с сочинением памфлета. В 1731 году появились два ответных сочинения на трактат Буддея – напечатанный в Вене «Антиапологетический ответ» доминиканского монаха Рибейры⁴⁰ и рукописный «Апокрисис» Ф. Лопатинского.⁴¹ Феофан подозревал существование целого заговора против себя сторонников Яворского: Рибейры, Евфимия Колетти, Платона Малиновского, Феофилакта Лопатинского. Сознание опасности, исходившей из стана его противников, и стало, по-видимому, непосредственным поводом, побудившим Прокоповича самому взяться за перо. «Рассуждение» было написано им, скорее всего, во второй половине 1731 или первой половине 1732 года. Он решает воспользоваться

³⁹ Чистович, И.: *Феофан Прокопович и его время*. Санкт-Петербург 1868, с. 368.

⁴⁰ Ribera, B. F.: *Responsum antapologeticum ecclesiae catholicae contra calumniosas blasphemias Joannis Francisci Buddei nomine evulgatas in orthodoxos latinos et graecos; quo, Petrae Fidei a Stephano Javorskio Resanensi metropolitae, etc. ad evertendum Lutheri Pantheon jactae, repetitur ictus*. Viennae 1731.

⁴¹ Апокрисис, или ответ на написание ответное Францишка Будеа на книгу Стефана Яворского нареченную «Камень веры», напечатанное в Иэнне лета 1729-го, сочиненное Феофилактом Лопатинским. (Неиздано).

идеей задуманного Д. Яблонским опровержения и написать свой памфлет от лица некоего вымышленного лютеранина. Здесь, кроме прочего, автором руководило и безошибочное политическое чутье: сочинение, написанное от лица обиженного книгой Яворского немца-лютеранина, призвано было выразить как бы общее мнение, коллективный протест против нее всех знатных иностранцев-протестантов, находившихся в то время у власти в России, что должно было неминуемо напугать императрицу. Конечной целью написания этого памфлета был своеобразный политический шантаж верховной власти с требованием полного запрета книги Яворского. И своей цели он достиг.

Создавая свою литературную мистификацию, к которой он вообще был склонен, Феофан творчески отнесся к своей задаче. Если от Яблонского и были получены какие-то фрагменты, то они были включены в собственное повествование Феофана так, что в нем с трудом заметны вкрапления инородного, и тем более иноязычного, сочинения. Только в одном случае мы можем предположить, что автором фрагмента мог быть немец, – это относится к сравнению немецкой и русской наций, материалом для которого Яблонскому могли послужить какие-то книги иностранцев о России. Кроме того, само название сочинения Прокоповича «Молоток на «Камень веры»», утвердившееся за ним в русской исторической литературе, по-видимому, также имеет немецкое происхождение.⁴²

Остается добавить, что Феофан Прокопович всегда преклонялся перед Германией, которую называл «матерью всех стран», и перед протестантами, называя их «богатыми, сильными, учеными, опытнейшими во всех искусствах и добрыми людьми». Он открыто признавался в любви к протестантским богословам, когда писал: «Если желаете знать обо мне, что я за человек, знайте, что я всецело предан вам, любящим истину.»⁴³ Маска немца-лютеранина, которую надел на себя аноним, чтобы спрятать свое настоящее имя, – не была ли она выражением подлинного «я» Прокоповича, который был, по меткому выражению А. В. Карташева, «религиозным иностранцем среди русской иерархии», ибо был, по его мнению, единственным в нашей церковной иерархии «вдохновенным, не головным, а именно сердечным носителем старого классического протестантизма?»⁴⁴

42 Хотя, как указывалось выше, ни один из известных списков памфлета не носит названия «Молоток».

43 Цит. по: М о р о з о в , П.: *Феофан Прокопович*, с. 271–272.

44 Карташев А. В. К вопросу о православии Феофана Прокоповича // Сборник статей в честь Дмитрия Фомича Кобеко. СПб., 1913. С. 235–236.

**DEBATE OVER FAITH IN THE TIME OF MACARIJ
METROPOLITAN AND THE CHURCH POLEMIC ABOUT THE
STEPHAN JAVORSKY'S «STONE OF FAITH».**

The article deals with two episodes from the history of the polemic debates over faith between Protestants and Orthodox in Russia: the Ivan the Terrible Tsar's Response to Johann Rokita in 1570 and the anonymous Lutheran pamphlet against Stephan Javorsky's theological work "Stone of Faith" (1728) called "The Axe on the 'Stone of Faith'" (1732). While the aim of the Russian tsar was to forbid the promotion of the protestant ideas in Russia, the pamphlet "The Axe..." became a serious argument for the government of Empress Ann to forbid the orthodox work by Javorsky. The author tries to prove the authorship of Theophane Prokopowicz (1681–1736) for the "Axe..." and suggests that it might be a collective project of Theophane and Daniel Ernest Jablonsky (1660–1741).

